

Александр Раткевич

ГУСАРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Поэзия, выражая частное, есть выражение общего.
В.Белинский

Какими только словами не кроют поэзию в наше время! Причём и критики, и читатели, не говоря уже о тех, для кого она не интересна вовсе: эти вообще смотрят на поэзию как на ненормальное явление в природе. И все, или почти все, забывают, что именно так дело обстояло во все времена: и в античности, и в средневековье и т.д. вплоть до сегодняшнего дня. А она, эта «пресволочнейшая штукавина», всё существует, даже процветает. Дело в том, и это не новость, что литература, а в частности, поэзия, особенно приходит в движение, особенно на подъёме тогда, когда люди начинают активно осмысливать, что же с ними произошло и происходит. А сейчас именно такое время, вернее, сейчас – литературное время.

В то же время нельзя не согласиться с теми, кто верно указывает на недостатки и упущения современных поэтов, в своём большинстве – и юные и зрелые – уверенным шагомдвигающиеся по трубам поэтической канализации во временной отстойник. Да, к сожалению, во многом современная поэзия представляет собой «секонд-хенд» или, что ещё хуже, клиповые творения, призванные превратить художника в завуалированного рекламщика рыночного мировоззрения или, что вдвое хуже, раба политики. И, тем не менее, это не катастрофа, ибо есть общие законы, над которыми вся эта возня не властна. И этот закон гласит: «Культура первична, политика вторична». Тем более что во всякое время поэзия развивается скачками, то есть падения сменяются подъёмами, подъёмы – падениями. Поэтому ни о какой стагнации поэзии в наше время, как и во все другие, не может быть и речи. А это означает только одно: книги стихотворений, как прежде, издаются, причём в нарастающем темпе. И сейчас, как мы видим, они появляются на свет не десятками или сотнями, а тысячами штук в год. И этот темп уверенно не остановим. Причём, самих поэтов не может оторвать от написания стихов и издания сборников ни экономика, постоянно впадающая в летаргический сон кризисов, ни политика, использующая, впрочем, поэтов для своей корыстной выгоды, и прочее, и другое. Примечательно, что книги со стихами печатаются как за счёт государства, фондов, спонсоров, так и за счёт самих авторов, и таких больше, намного больше. И вдруг справа, а может, слева, раздаётся голос: так ведь в этих стихах читать нечего, перепевы, переливы... и пошло, и поехало, и полетело. То есть, всё так, как я сказал в самом начале. И опять же забывается, а возможно, игнорируется, что чем больше поэтов и поэтических книг, тем надёжнее шанс появления из тысячи, из сотни тысяч одного выдающегося поэта. И если за десять или двадцать лет появился один крупный поэт, то этого для страны предостаточно. А если ещё этот поэт вывел на арену литературного процесса героя, то есть, по сути, героя нашего времени, то – чего же больше.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что как раз такой поэтической книгой с ярко выраженным лирическим героем начала 21 века является книга стихов Владимира Фёдорова «Такова судьба гусарская», в которой все патриотические чувства, мысли и ощущения автора и героя, его любовь, подвиги во славу родины предстают перед читателем в рельефном, чеканном и возвышенном виде. Причём автор отлично осознаёт, что стихотворение не есть собрание в одном сосуде мыслей, тем, впечатлений, эмоций, переживаний, настроений... Нет, стихотворение у него является архитектурным созданием. Впрочем, тоже нет. Лучше скажу так: стихотворение для него – это *идеальные идеи в изящной форме*. Что и нужно доказать на примере стихов Фёдорова.

Примечательно, что книга «Такова судьба гусарская» предстаёт перед нами не стандартным собранием стихов на самые разнообразные темы, а с чётко обозначенным, если можно так сказать, жанром – роман-дневник. Но это дневник не одного человека, не каких-то личностных интересов и притязаний, что присуще поэтам среднего и ниже среднего уровня. У Фёдорова – это дневник героя-гусара как собирательного образа, как поэта, любящего женщин, сражающегося за родину, наслаждающегося родными пейзажами. И вот какой, пусть не новый, приём: поэт перенёс все события стихотворной книги в прошедшее, но славное для России время – в период Отечественной войны 1812 года. Ему удалось не только отобразить дух и идею того времени, но и органически проникнуться его нравами, чувствами, нюансами, всем тем, что характеризует бытовые и возвышенные отношения между людьми. Но, как в итоге оказалось, всё это присуще и нашему времени.

Уже в первом стихотворении «нас пронзает строка»:

Мы гусары, а значит – поэты.

Именно эта теза ведёт нас по всей книге, и под этим углом мы воспринимаем поток ощущений, который охватывает читателя или слушателя. Упругий анапест первого стихотворения гармонирует с монологом поэтов-гусар.

Мы летим между звёзд,
В наших душах пылают пожары.
Мы срываемся вниз
С перебитым судьбою крылом.
Мы воители грёз,
Мы поэты, а значит – гусары,
И звенят, как клинки,
Наши строки, сшибаясь со злом.

Наша слава легка,
Нам с тобой аплодируют пушки.
Мы поём у костра

Не для дамских жеманных сердец.
Мы не знаем пока,
Что в Лицей поступил уже Пушкин.
И не ведаем мы,
Где нам точку поставит свинец. (стр.4)

Знаменательно, что лирический герой в самом начале действия задумывается о точке. Следовательно – это точка отсчёта. Начало жизни книги, её дневника и героев, смело утверждающих, что «мы храним, как патроны, сонеты» и «...мы / высекаем на небе стихи». Даже не смотря на то, что, как утверждается в этом же стихотворении, «наша жизнь коротка». Впрочем, вопрос краткости жизни – понятие относительное. Можно прожить 25-30 лет, как это получилось, например, у Лермонтова и Есенина, а для их биографий нужны тома и тома, и всё равно ещё остаются тайны их жизни. Можно прожить 70-90 лет, а написать-то о человеке будет нечего, потому что жизнь оказалась бесцветной и без примечательных событий. И, странная штука, именно таких людей – большая часть человечества.

Но наше время – время долгого созревания, но и долгой жизни поэтов, что не мешает, а может, наоборот, помогает для создания основательных произведений. И это получается у Фёдорова, в частности, в стихотворении посвящённом музе, которое не имеет определённого названия, но весь смысл его говорит о том, что речь идёт именно о музе, и именно её «мы... / Божеством называли», «При свече рисовали / И венки из сонетов / К ногам её робко несли». Это безусловное поклонение музе, иначе бы слово «робко» здесь не прозвучало. Более того, не только поэт готов поклоняться и жертвовать собой ради музы, но и... время:

Мы сгорали в кострах,
Мы со шпагой в руках умирали,
Уходили в поход,
Горделивой богине назло,
Но с листов и полотен
Небесные лики сияли,
И бессильное время
Клонило пред нею чело.

И ведь это точно. Сколько поэтов признавались и признаются в любви к музе, её женственности и таинственности. Призывали и призывают её, чтобы она одарила вдохновением поэта, вдохнула в него силу творчества. И примечательно, что все поэты, написавшие о музе, воспринимают её и божеством, и женщиной одновременно. Впрочем, есть поэты, у которых к музе особое отношение. Да, она у них божество, но женщина – падшая. Думаю, все догадались, что речь идёт о Бодлере («Больная муза», «Продажная муза») и Лермонтове:

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдёт ли страсть с грозой и вьюгой, –
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею *бешеной подругой*...

(«Не верь себе»)

Это о поэте и его музе. Но у Фёдорова муза – это непререкаемый авторитет.

И она оставалась
Такой же прекрасной и юной,
И светилась сквозь годы
С холстов и горячих страниц,
Чтобы вдруг, через вечность,
Холодною ночью безлунной
Кто-то рухнул с мольбою
Пред ней

в исступлении

ниц. (стр.27)

В этих по-пушкински автологичных, но и чеканных строках слышен настоящий пафос, без которого невозможна крылатость поэзии и благодаря которому мысль переходит в ощущение. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что чеканность стиха Фёдорова родственна, например, стихотворению Фета, посвящённому музе:

...Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Всё та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.

(«Музе»)

Или стихотворению Шиллера той же тематики:

... Вот и льнет к дуге небесной,
Вот и бьёт волной чудесной
Наших песен вольный взлёт;
И в своём же изобилье
Песнь от сердца без усилия
Разбивает правил гнёт.
(«Немецкая муза», переводчик А.Кочетков)

И это не смотря на их ритмическую разницу: у Фета ямб, у Шиллера хорей. Но их крепко роднит поэтическая напористость, словесная яркость, музыкальность стиха и многое, многое другое. Однако лирическому герою Фёдорова, персонажу стихотворного романа-дневника, как выясняется, в этой жизни, в этой неописуемо-загадочной реальности, чтобы быть и поэтом и гусаром, требуется совсем не много, но в этом немногом и заключается весь смысл его существования:

А что ему надо, поэту,
Чтоб строчкой достать до звезды?
Немного бумаги к рассвету,
К закату – немного еды.

Немного удачливой доли,
Но больше – военных дорог,
Где вдоволь смятений и боли,
С избытком – утрат и тревог. (стр.29)

Воистину, поэт тогда поэт, когда он живёт нормальной, рядовой жизнью, такой же простой, как и весь народ, ради которого поэт творит свои изумительные строки. И благодаря этому народу и этим поэтическим строкам поэт получает свою долю-судьбу и, тем самым, становится явлением вневременным и внепространственным.

Стихи не выбирают *время*,
Им на приличья наплевать.
Ты только вставил ногу в стремя,
Иль рухнул в полночь на кровать...

Стихи не выбирают *места*,
Им на амуры наплевать.
И плачет под фатой невеста,
Отчаявшись у храма ждать...

Стихи не выбирают *доли*,
Им на уставы наплевать.
Летишь ли ты атакой в поле,
И мчит ли встреч лихая рать...

И командир не понимает,
Как до сих пор ты уцелел...
Строка не только ослепляет,
Но и решает твой *удел*... (стр.32-33)

Как сказал Пушкин в стихотворении «Дельвигу», «и лира стала мой удел».

И на самом деле, за что бы ни брался Фёдоров, будь то проза или драматургия, художественное фото или этнографические исследования, публицистика или журналистика, он неизменно возвращается к своему предназначённому уделу – быть поэтом. К этому уникальному, индивидуальному и суверенному ремеслу, а, по выражению Ростопчиной, ремеслу святому. В чём же заключается эта святость поэзии? Этот вопрос полностью не решаемый, но, думается, можно полагать, что святость поэзии в том, что она, как явление вневременное и внепространственное, здравствует всегда, при любых обстоятельствах и особенно усиливается её жизнедеятельность в кризисные периоды, когда наступает момент падения интереса особенно к глубокомысленным стихам и когда большинство читателей в своём уме требуют, чтобы поэзия опустилась до их повседневного, мелкого, бытового уровня, до уровня «существователя» (Гоголь). Может быть, современные люди утратили возможность искренне ощущать мелодику стихов и больше склонны к материальной стороне бытия, то есть им милее стремление к наживе, богатству, роскоши (что само по себе не возбраняется)? Возможно. Но вот ведь какая необъяснимая штука или даже парадокс: «поэзия как раз тогда нужна, когда она становится ненужной». И как раз в наше переломное время, когда пошёл и идёт процесс коммерциализации культуры, поэзия не теряет своей самоценности, она по-прежнему обладает этическим зерном, из которого произрастает духовная сила, гармонизирующая мир и не дающая ему провалиться в хаос. И это одна из главнейших миссий поэзии. Более того, как пишет А.И. Галич в статье «Опыт науки изящного» (1825): «поэзия как относительно изящное искусство прямо действует для общих целей человеческого усовершенствования». И в этом её безусловная святость.

Невпопад я рождался в окаянном столетье,
Невпопад погибал я в самых глупых боях.
И слепило до боли эпох разноцветье,
Но никак не встречалась эпоха моя.

Оставлял я потомкам завещанье на небыль,
Арбалетные стрелы, эшафотную кровь,
А душа уплывала с надеждой на небо,
Забирая с собою доброту и любовь.

Перелётные птицы уплывают под звёзды.
Как забытый подранок, я кричу на восток.
Мне ещё для запястий не откованы гвозди,
Мне ещё для распятья не пробился листок. (стр.35)

Поиск поэтом своей эпохи – это ли ни назначение и смысл поэтического ремесла. Но это же, по замыслу, должно быть идеей всякого человека, представляющего собой полноценную, самодостаточную личность и хоть в

малейшей степени желающего и могущего оставить после себя существенный след, отпечаток на стремительно ускользающей реальности как истории, истории как реальности. И каждый поэт как уникал, как неповторимое явление природы ищет и обязан найти и записать своё «заветное слово», и перо его – это только его перо, неподвластное никому другому:

Это слово искал он когда-то в ночи самой чёрной,
Настигал это слово он в звёздное время своё.
Ускользало оно.
А теперь подчинилось покорно
И вонзилось в строку, гениальностью метя её.

Вздрагнет мир за окном и в волшебной музыке утонет,
Вдруг ворвётся с небес и осветит каморку звезда.
Он запишет строку, и перо на бумаге уронит,
И поднять его снова не сможет никто никогда. (стр.34)

Тему поэта-гусара в книге Фёдорова гармонично завершают два стихотворения, в которых автор вспоминает поэтов, прославлявших в своих стихах гусаров.

В наше время все поэты
Дружно носят эполеты
И без дела пистолеты
Не лежат в чехлах у них.
Невоенный только Пушкин,
Но герой он на пирушке
И не прочь к гусарской кружке
Приложиться за двоих...
Ведь недаром говорится,
Пьяный до утра проспится...
А мерзавцу или трусу
Не проспаться никогда!.. (стр.86)

Речь идёт, конечно, о поэтическом напитке, вдохновляющем поэта-гусара как на подвиги, так и на стихи. И потому кинжальный афоризм в окончании этого стихотворения недвусмысленно говорит о том, что человек неблагородный, трусливый по натуре, не умеющий или не желающий смело высказывать свои мысли в стихах, ни при каких общественных условиях не станет поэтом, каким бы тщеславием он не обладал. И эти стихи по динамике, по пластике образов вполне сравнимы с пушкинским «Гусаром»:

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:

«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру...
Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой...

1833

В следующем стихотворении «Я иду вдоль пасмурной опушки...» Фёдоров вспоминает поэтов, дорогих его сердцу, имеющих прямое отношение к гусарству и подставлявших свою грудь под пули врага:

...Слава Богу, что в своём именье,
На побывке распахнув мундир,
Шепчет в тишине стихотворенье
Юный Фет – гвардейский кирасир.

Слава Богу, жив Денис Давыдов
И бывает в гости в батальон.
Мемуары пламенные выдав,
Он опять стихами полонён.

... Слава Богу, есть ещё поэты,
Слава Богу, Лермонтов живой. (стр.99)

Умение перенестись в стихах в давно прошедшую эпоху, оживить людей того времени, тем более поэтов, свойственно только художнику с ёмкой интуицией, с богатым внутренним зрением и развитым умением входить в образы персонажей столь отдалённой от нас эпохи. По ощущению колорита тех лет и предчувствию внутреннего состояния героев мастерство Фёдорова становится в один ряд с такими стихами Д.Давыдова:

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!..
(«Гусар», 1822)

и Лермонтова:

...Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел дышит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадежней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.
(“Гусар”, 1832)

Гусар как поэт, естественно, боготворит женщину. Для гусара любовь к женщине – это порука смелости в атаке, искромётного юмора на бивуаке. Даже если это, как восклицает фёдоровский герой, “женщина придуманная мной”. Тут нельзя не остановиться на этой теме более подробно. Удивительно, но именно о любви всё человечество говорит чуть ли не хором. И что это за слова: “Любовь – единственное в природе, где даже сила воображения не находит дна и не видит предела» (И. Ф. Шиллер), «Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» (И. Тургенев), «У уважения есть границы, в то время как у любви таковых не имеется» (М. Лермонтов), «Где любят нас – лишь там очаг родимый» (Дж. Байрон) и т.д. до бесконечности. И вдруг я обнаруживаю до предела простое и такое понятное определение, которое вмиг расставило все точки над вопросом, что же такое эта любовь, в которую влюблены все люди земли: «Не будем говорить о любви, потому что мы до сих пор не знаем, что это такое» (К.Г. Паустовский). Вот истина. И никакие разъяснения, что слово любовь в переводе с санскрита означает «желание», что есть на свете такие удивительные люди, которым не дано почувствовать любовь (кажется, это называется – гипопитуитаризмом), что естественность является основой любви, как будто ни в чём другом эта естественность не является в такой же степени важной..., не опровергнут простые, ясные и, в то же время, афористичные слова Паустовского. Да, именно так обстоит дело: все говорят о любви, и никто не знает, что это такое. Хотя, стоп! Я явно ошибаюсь. Всё-таки есть особые личности на земле, которым порой открываются сокровенные тайны мироздания и которые о любви могут сказать таким образом, что всё живое замирает и восхищается. И это – поэты. И герои их поэтических книг.

И на знойном ложе, и на тризне,
В миг творенья и в лихом бою –

Тридцать лет, а может, тридцать жизней
Выводил я формулу свою.

Вопрошая у самой Вселенной,
Разбивая дух и мысли в кровь,
Я искал значенье переменной,
На которой держится любовь.

Умножал я страсть и боль на жалость,
Красоту на ненависть делил,
И казалось, ах как мне казалось,
Что её почти я находил.

И всего-то только оставалось:
Записать, запомнить, затвердить,
Но рука с пером не поднималась,
И свивалась память, словно нить... (стр.60)

Формула любви? Да, именно так. И смотрите, какая здесь поэзия и математика: потрачено тридцать лет, чтобы «Вопрошая у самой Вселенной (*у которой, как известно, всё расчислено по строжайшим физическим законами*), Разбивая дух и мысли в кровь», найти значение переменной. Ну, я понимаю, что значение переменной, как величина, характеризующаяся множеством значений, которое она может принимать, отлично работает в математике, в физике, в технике. Например, погода – переменная величина, температура воздуха, направление ветра – тоже. Да и просто стопка книг на моём столе – очень и очень переменная величина, потому что эта стопка у меня меняется изо дня в день как количественно, так и качественно. Даже в компьютерном программировании это явление очень необходимый компонент: значение переменной используется для хранения чисел, слов и др., значения которых изменяются в процессе работы с какой-либо программой. Но как соотносятся любовь и значение переменной? До такого соотношения не дошёл бы (и не додумался бы) ни один учёный. Но поэт... Поэту как раз-то всё подвластно в этой обозримой Вселенной. И если вдуматься: на самом деле, ведь так и есть – любовь переменная величина. Да ведь это определение к любви относится как ничто другое! К этому ещё нужно прибавить следующие действия: умножить страсть и боль на жалость, красоту разделить на ненависть. Остаётся только записать результаты, но, как всегда, результат в таких случаях ускользает, и для его записи рука с пером не поднимается. И всё просто объясняется – в любви скрыто значение переменной. Вот такая гармония математики и поэзии. Следующее стихотворение Фёдорова достойно того, чтобы его процитировать полностью:

Как давно меня никто не баловал,

Но, хмельной от щедрости своей,
Августейший август вдруг пожаловал
Целую неделю мирных дней.

А в придачу – тихое селение,
У пруда на взгорке – барский дом,
Маленькое чудное имение,
Где она спала хрустальным сном.

Завернув в имение представиться,
Я про всё на свете позабыл
И невольно спящую красавицу
Поцелуем тайным разбудил.

Утонув в объятьях и беспечности,
Мы с моей прекрасной визави
Растворились на неделю в вечности –
В царстве самой сказочной любви.

Но война вернулась вдруг в имение
И под утро постучала в дом,
Чтобы наше счастье в мгновение
Кануло в пожарище седом.

Снова в небе надо мною вороны,
Хоть хранит её духи мундир...
Я весь день гляжу куда-то в стороны,
Чтобы слёз не видел командир. (стр.28)

Стихотворение явно написано на волне вдохновения. Такое впечатление, что в каждой строке растворён поэтический эфир мысли и чувства. Причём, здесь присутствует полноценный сюжет с мотивированным перетеканием действия от строфы к строфе, что исключает всякую примитивизацию и клиповость события. А какая яркость словесных красок и живопись стиха! «Августейший август», «хрустальный сон», «раствориться на неделю в вечности». И эта неординарная концовка: «Я весь день гляжу куда-то в стороны, / Чтобы слёз не видел командир». По-моему гусар-поэт этого стихотворения не только знает, что такое любовь, но и искренне чувствует её не только в своём сердце, но и в своём сознании. И таких стихов о любви в этой книге много: Гусарский романс, «Ордена, эполеты...», «Синеглазый гусар...», «Светится вино брусничное в бокале...», «Вспоминайте это лето вы...», «Мне ещё совсем немножко нужно...», «Я лечу счастливый по стремнине...», «За сиреневыми стёклами...» Да что перечислять названия, эти стихи нужно читать, дышать их ароматом, удивляться их изяществу и элегантности.

Пусть не будет ни слёз и ни голоса, –
Ты тихонько поплачь при луне
И обрежь свои жаркие волосы
Вместе с глупой любовью ко мне.

Разбросай нашу память никчёмную:
Волосами луга устели,
Чтобы осенью розами черными
Перед снегом они расцвели.

И твоим миражом растревоженный,
Не найдя самый главный ответ,
Я пойду по военной дороженьке,
Собирая их в чёрный букет. (стр.62)

А какова Недотрога?! С её звонкими и искрящимися рифмами, словно автор
высекал их древним сладкозвучным кресалом:

Наша жизнь – военная дорога.
Позабыли мы про политес.
Ну а вы – такая недотрога,
Будто только что сошли с небес.

Наши лица в битвах огрубели,
Наши речи потеряли лоск.
Ну, а вы – прозрачней акварели
И изящней, чем застывший воск.

Только вы не бойтесь, ради Бога,
Моего сердечного огня.
Вы такая, право, недотрога.
Но не будьте ею для меня.

Я забуду о княгине Вронской,
Ослепленный чудом ваших ног.
Только вдруг трубой иерихонской
Рай разрушит полковой рожок.

Разметает ночь любви тревога,
Поцелуй обещанный губя...
Ты прости гусару, недотрога,
То, что не дотрогал он тебя.

Изумительная романтика содержания захватывает всё внимание читающего или слушающего это стихотворение, что, несомненно, если кто-то вздумает отвлечь человека во время этого чтения, он его не услышит, настолько завораживает обаяние этих строк. И микроскопический налёт фривольности в концовке не только не смазывает грациозность стихотворения, а, пожалуй, мгновенно переносит внимание читателя на начало стихотворения, приглашая вновь его прочитать: «Наша жизнь – военная дорога...»
О военных дорогах, об удивительной красоте родных пейзажей в книге «Такова судьба гусарская» очень много стихотворений. И здесь голос автора столь же силен и выразителен, как и в стихах о поэзии и о любви. Фёдоров демонстрирует родство своего духа, духа поэта, с народным духом. И то, что он сумел выразить и показать читателям устремления, нравы, ощущения, поступки, мировоззрение героя прошедшего времени, его смелый, весёлый, бойцовский характер, и сумел дать нам понять, что все эти ощущения присущи и нам, его современникам, что и в нас бурлит тот же русский дух, свидетельствует о масштабе его поэтического таланта.

Мы вчера с тобой стреляли в люстры
Пробками и пеною хмельной,
А сегодня, позабыв про устриц,
На рысях несёмся в первый бой. (стр.5)

Тема войны для нашего сознания ответственная во все времена. И здесь исповедальность романа-дневника, вложенного автором в уста его героев-гусаров, поднимается на особую высоту, можно сказать, что «звучит как колокол на башне вечевой». Ведь война – это особое состояние человека. На войне, в отличие от мирной жизни, всё слишком конкретно: победил или проиграл, убил или убили тебя... И этим она страшна. Вот как это отображает Фёдоров в стихотворении Юнкер:

Страшный сон привиделся парнишке:
Первый бой – не детская игра.
Знаю, снится юнкеру-мальчишке
Враг, что им зарублен был вчера...

Помню я, как долгие недели,
Возвращая в ужасе назад,
На меня в ночи в упор глядели
Егеря французского глаза.

Мною раньше времени загублен,
Он никак не мог покинуть мир,
И почти до пояса разрублен
От погона был его мундир.

Знаю, юнкер, что кошмары эти
Позабыть заставит лишь она –
Самая жестокая на свете
Гувернантка памяти – война.

Выучит, как вместе с пистолетом
Надо душу накрепко сжимать.
А не то не быть тебе корнетом
И гусаром никогда не стать... (стр.22)

Хоть эта война для русского человека была освободительной и, кажется, ни о каком сострадании не может быть и речи, однако русский человек изначально по своей сути является милосердным. Потому-то и снится после первого боя юнкеру-мальчишке страшный сон, в котором ему является убитый им («почти до пояса разрублен») французский егерь. И его глаза, смотрящие в упор на юнкера, заставляют его многократно, как видео, просматривать и просматривать момент убийства. И вновь переживать и сожалеть о содеянном, ибо убийство в любом случае противно человеческому существу. Но не эта идея является стержневой в стихотворении. Главный мотив здесь в том, что война сильнее закона человечности, и она диктует свой неопровержимый закон: сжимая «вместе с пистолетом... душу накрепко», ты должен, обязан убивать, «А не то не быть тебе корнетом / И гусаром никогда не стать». Коварная сущность войны: чтобы получать воинские звания и награды, необходимо совершать «противоестественные человеческой природе» (Л.Толстой) действия. А отсюда следующая логическая мысль: противоестественно восхищаться убитыми и ранеными, независимо от того, свои это или враги, но не менее противоестественно и поле битвы – как объект для экскурсий. Вообще всё стихотворение Юнкер пропитано катарсическими ощущениями и является образной проверкой на человеческую значимость. Тем более что в одном из последующих стихотворных монологов эта тема, в некотором роде, имеет уникальное продолжение:

Мы своих лошадей
На прощание вскинем покруче,
Дружно бросив аллюр
Над небесной живою рекой,
Где срастается вновь
Рассечённый по пояс поручик
И безрукий корнет
Снова радостно машет рукой. (Стр.54)

Каждое стихотворение в книге Фёдорова, в котором описываются то ли военные будни, то ли грозное предчувствие войны, по своему ставит проблему отношения человека к этому самому страшному событию в

социальной истории. В таких стихотворениях: «Мы живые, друг, опять с тобою...», Белая кость, «Где-то под оставленным Смоленском...», Походные костры, «Наш майор вздыхает на рассвете...», «Над смоленской я стою дорогой...», «Старые раны ноют к ненастью...» проникновенный читатель почувствует кровное родство духа поэта с духом своего народа. В строках этих стихов ярко вычитывается одна из первостепенных идей романа-дневника: какие мы были, какими мы стали: лучше или хуже, или остались прежними? Ответ, думается, можно найти в Бородинской элегии:

...Французы знают в деле толк,
Но как в гусар ни целятся,
Покажет им Изюмский полк,
Почём изюм наш ценится.

Покажет им Гусарский полк,
Горя гвардейской верою,
Как возвращают наши долг
Российской щедрой мерою...

Укрыта осень тишиной –
Ни звука, ни движения,
Но не стихает вечный бой
В моём воображении.

Плывут счастливо журавли
Над стороной отеческой,
И зарастает боль земли
Быстрее человеческой... (стр.79)

Быстрее ли человеческой? После того, что произошло с нами и нашим государством за последние 25-30 лет, как у нас сейчас с патриотизмом? – вот в чём вопрос. Так прежние ли мы? Или всё же хуже?..

Тем не менее, патриотизм автора и его лирического героя в книге «Такова судьба гусарская» в полном порядке, чему свидетельство стихи о родине, о той родине, которая была, которую мы потеряли и которая есть. «Мои соратники лихие, / Мои герои боевые, / Для вас одна любовь – Россия». Или: «Родимое имение, / Ведь я твоё творение, / И в смертное мгновение / Я вновь к тебе вернусь». Но:

Гуляют где-то в парках пары,
Пыхтят в именьях самовары,
Красотки томно дарят чары,
Мазурку пляшет высший свет.
А где же вы, мои гусары,
Мои отменные гусары,

Тридцатилетние гусары?..
Вас просто в этой жизни нет...

Автор говорит о той поре, но он явно имеет ввиду наше усложнённое переломное время, когда огромная часть предыдущей культуры, ценимой и уважаемой почти всем народом, разом разрушена: что-то более менее сохранено, что-то втоптанно в грязь. И, как следствие этого процесса, исковерканные и униженные людские судьбы. А в сознании большинства – растерянность и непонимание. И нет ответа на вопрос: зачем было то, что было. Но самое главное: каждый следующий день – это сплошная неизвестность. В таком же положении оказались и писатели, которые интуитивно понимают: зачем сегодня создавать то, что завтра будет никому не нужно, что разрушат и уничтожат в один «прекрасный» момент. А может, и вправду в наше время мы потеряли поэтов такого уровня, каких создал 19 век? И ведь создавал он их долго и мучительно. К тому же, появлению их во многом содействовал патриотизм, который явился фундаментом победы в Отечественной войне 1812 года.

Однако автор книги о поэтах-гусарах, похоже, имеет другое, более оптимистическое мнение, и к нему следует прислушаться:

Как терзали бедную Россию,
Правил бал то хан, а то тиран,
Только отчего же так красивы
Голубые очи россиян?

Как глумились над несчастной тати,
Как душили, выводили род,
Но откуда столько этой стати,
Этих плеч могучий разворот?

Как ровняли храмы с чёрной пылью,
Как стирали светлые черты...
Но святая боль, сливаясь с былью,
Возрождала чудо красоты.

И назло всему лихому свету,
Недругу заклятому в ответ
Наливались девки – краше нету,
Молодцы росли – пригоже нет.

И кривились вороги бессильно,
Не сумевши русичей сломать.
Красота и дух вели Россию,
Как бы их теперь не потерять... (стр.37)

В последней строке вопроса нет. Это утверждение – не потерять. И предостережение. А многоточие сигнализирует, что обращение направлено ко всем здравомыслящим гражданам России. Причём, слово «девки» не несёт в данном контексте никакого просторечия и вульгарности, это, как и положено, – синоним слова девушки. Но более всего, дополнительно к вечной идее – возрождающейся птицы Феникс как символа обновления и возрождения – в этом произведении слышен гуманизм, без которого нет русской поэзии и русского поэта. Всё стихотворение по скрытой энергии напоминает сжатую словесную пружину, вдруг разжимающуюся последними строками: «Красота и дух вели Россию, / Как бы их теперь не потерять...» В этом духе скрывается потаённая сила русской народной игрушки ванька-встанька. И здесь слышна некоторая переключка со стихотворением-балладой Евтушенко Ванька-встанька:

И с тоской первобытной
Хан подумал в тот миг
Сколько здесь перебил он
А постичь не постиг...

И в пылице прогорклой,
Так же мал да удал,
С головёнкою гордой
Ванька-встанька стоял...

Мы народ Ванек-встанек,
Нас не бог уберёт,
Нас давили, топтали
Столько разных сапог...

И смеется не вмятый,
Не затоптанный в грязь,
Мужичок хитроватый,
Чуть по-ка-чи-ва-ясь.

Потому-то извечно «...кривились вороги бессильно, / Не сумевши русичей сломать». Осталось только добавить, что стихотворение Фёдорова является великолепным примером для молодого поколения: примером патриотизма, стойкости, духовной верности. И эти торжественные слова не могут заслонить правдивые чувства, вложенные автором в столь небольшую форму, но форму изящную и наполненную душевной мелодикой. Завершает книгу опять же достаточно небольшое стихотворение, но в нём ясно видится эпическое полотно, на которое поэт смелой кистью наносит словесные краски, наполненные свежим колоритом и яркой звукописью:

За окопом зимы

загорается
зарево
замети,
Сквозь сплошную метель
пробивается с боем восход.
Нет трубы полковой,
но поёт и поёт она в памяти
И уже не в поля,
а в высокое небо зовёт...

Выпью на посошок
я во славу любви и Отечества,
И отправлюсь без страха
в последний гусарский полет...

На планете большой
позабудет меня человечество,
Только Родина-мать
обязательно к сыну придёт.

Неприменно сочтёт
все геройства, забавы и шалости.
Неприменно всплакнет,
а потом посветлеет опять...

И достанет вполне
мне на небе большом этой малости,
Чтобы с лёгкой душой
на Россию родную взирать.

Несомненно, композиция книги «Такова судьба гусарская» тщательно продумана, чувствуется раскованность текста, преодоление сопротивления материала. Вся энергия стиха, выраженная ритмом, рифмой, метафорой, аллитерациями, строфикой и т.п., выливается в кинжальные строки из высококачественной стали слов. Я бы даже сказал, что это изваяние, трепещущее жизнью.

Ну, и немаловажный момент в каждой статье о поэте и его стихах: а что, разве поэтических или, например, версификационных недостатков нет в книге Фёдорова? Могу ответить: ради бога, есть, конечно, есть, но они столь малы и незначительны, что о них можно говорить только мимоходом и вскользь.

Закончу статью словами Добролюбова: «Литературное произведение искреннее, а не заказное, только тогда и возможно, когда первая основа и крайнее решение взятого факта составляет ещё вопрос, разгадка которого занимает самого автора. Но у сильных талантов самый акт творчества так проникается всею глубиной жизненной правды, что иногда из простой

постановки фактов и отношений, сделанной художником, решение их вытекает само собой».

янв., 2015